

ЗОСТЫ А. А. и В. А. — ПЕШКОВОЙ Е. П.

ЗОСТ Анатолий Александрович, родился в 1860. Получил высшее юридическое образование, служил мировым судьей 32-го участка в Санкт-Петербурге, с 1909 — на пенсии. С 1918 — продавец книг в киоске в Смольном, с 1925 — архивариус и заведующий почтой в "Доме книги".

ЗОСТ Вера Андреевна, родилась в 1873. Получила среднее образование, служила в конторе, с 1921 — конторщица на Рыбинскстройке, с 1923 — на иждивении мужа, с 1925 — на иждивении сына, с 1928 — после гибели сына получала пенсию.

В марте 1935 — А. А. и В. А. Зосты приговорены к ограничению проживания на 3 года (-15); выехали в Воронеж, лишены пенсий. В апреле 1936 — обратились за помощью к Екатерине Павловне Пешковой.

<18 апреля 1936>

«Гр<ажда>н Зост Анатолия Александровича
и Веры Андреевны прожив<ающих> в
г<ороде> Воронеже ул<ица> Таранченко, 40

Заявление

Обращаемся к Вам, глубокоуважаемая Екатерина Павловна, с большой и глубокой просьбой помочь нам в нашей просьбе. Дело в том, что еще в начале 1918 года в апреле месяце двое детей моих, сын Валерий, 16 лет, и дочь Викторина, 13 лет, с фрейлен, кот<орая> теперь живет уже с ними 33 года и отдала им всю свою жизнь (сейчас ей 58 лет), уехала с детьми нашими после перенесенного в тяжелой форме брюшного тифа сыном Валерием, по совету врачей, поскорей на воздух и она увезла их на хутор к сестре своей на станцию Смильтон (в 100 верстах от Риги). И только потому, что в России в этот год был голод, то фрейлен не повезла их обратно, и так случайно они остались там жить. И сын, и дочь исполняли на хуторе по мере сил всевозможные работы, сын возил из лесу дрова, рубил, а дочь в 13 лет была пастухом, а потом исполняла самые разнообразные работы, боронила, пахала, была кочегаркой на лесопильном заводе зятя и сестры фрейлен, косила траву наравне с работниками, чтобы заработать себе на кусок хлеба.

Мы же жили в Ленинграде со старшим нашим сыном Леонидом, кот<орый> с первых дней революции служил неск<олько> лет в Красной армии, занимаясь педагогической деятельностью, затем в 3 года окончил Ленинградский университет по естественному факультету и, бывши еще студентом, был приглашен как выдающийся педагог в 213-ю Сов<етскую> школу, где успешно служил до дня смерти, т<о> е<сть> до 1928 года апреля 30-го дня, когда он по возвращении из школы, находясь в самом хорошем настроении, был убит одним жильцом в пьяном виде; кроме своей педагогической деятельности, он заведовал еще естественным кабинетом и вел драм<атический> кружок, а иногда и лекции читал детям на разные темы.

Муж мой Анатолий Александрович, ему сейчас 76 лет, до 1909 года был Мировым Судьей 32 участка в гор<оде> Ленинграде, а с 1909 г<ода> потеряв на правой руке 2 пальца, вышел на пенсию, кот<орую> получал в год 1500 руб<лей> до Октябрьской революции, и с первых же дней революции он работал в Смольном продавцом книг и изданий в киоске. Затем он был переведен в Госиздат в "Дом Книги", где служил до 1925 года, занимая должность архивариуса и заведующего почтой, получая в то время жалованья 59 руб<лей> 90 коп<еек>, бессменно. Я — Зост Вера Андреевна с 1921 г<ода> по 1923 год служила конторщицей на Рыбинск-

стройке. В 1925 году при большом сокращении в 300 человек муж мой был должен был выйти на пенсию и получал в начале 20 р<ублей> с копейками, в <19>31 году после воспаления в легких, после освидетельствования его здоровья, ему прибавили 7 руб<лей> и в 1935 году с прибавкой на хлеб ему уже дали 43 р<убля> 84 коп<ейки>, я тоже получала пенсию после смерти нашего сына в последние время уже 42 руб<ля> 7 к<опеек>, т<ак> к<ак> была на его иждивении. Пенсии мы получали до апреля месяца 1935 год<а>, т<а>к к<а>к 5 апреля нам надо было выехать из гор<ода> Ленинграда и нам дали -15 гор<одов>, и мы на авось выбрали г<ород> Воронеж, где и живем уже более года. Выселение наше мужа и меня я считаю совершенно незаслуженным, здесь имело место злая клевета на нас и зависть к нашей комнате, в кот<орой> мы жили 30 лет, теплая, сухая. Жили мы с мужем всегда тихо, скромно, посещали только концерты в Филармонии, где даже в 1935 г<оду> купили абонемент на 10 концертов. Муж мой всю жизнь любил только книгу, театр и искусство, почти все вечера сидели дома, навещали нас только добрые знакомые. Получали поддержку мы от детей из г<орода> Риги на Торгсин и на это жили, и т<а>к к<а>к и сын и дочь наши занимаются учительством и высылали нам на Торгсин сколько могли, а теперь с ликвидацией Торгсина мы оба с мужем остались совершенно без гроша в кармане и не имеем никакой возможности жить. Я писала 5 заявлений на имя тов<арища> Ягоды в НКВД: первое писала 31/VIII, второе — 31/XI, третье — 6/IX, четвертое — 10/III и пятое — 25/III, ответа еще не получала, дети мои тоже подавали неск<олько> просьб, но писали, что ждут ответа. Внести за нас требуемой Интуристом суммы они не могут, т<а>к к<а>к таких денег у них нет.

Мой муж в феврале и марте перенес ряд болезней: воспаление в легких, похудел и ослаб очень, сейчас он поправляется и одна надежда, что он и я получим заслуженную нами спокойную старость в кругу наших талантливых детей, его поддерживает. Будьте т<а>к добры, дорогая и добрая Екатерина Павловна, наведите о нас справки, где надо, и Вы узнаете, к<а>к мы скромно прожили всю свою жизнь, и всю жизнь мой муж был честным и добросовестным тружеником и работником. У него в высшей степени благородная и чистая душа, за всю свою долгую жизнь он не сделать никому никакого зла и за все годы службы в "Доме Книги" был всеми любим и уважаем.

Буду надеяться, что Вы поймете нашу просьбу к Вам и дадите нам возможность поехать к нашим детям, где для нас найдется и угол и кусок хлеба, расстаться с родиной СССР нам очень тяжело и жаль, но жить нам совершенно не на что, и даже жилплощади у нас нет, а умереть голодной смертью, я надеюсь, нам не даст наше Правительство, узнав о нас всю правду, кто мы были и кто мы теперь, скромные, беспомощные два старика, мужу 76 лет, а мне 63 года, и просим мы только об одном, дать нам разрешение поехать к нашим детям в гор<од> Ригу, где они живут. А если это Правительство наше найдет невозможным, то верните нас обратно в Ленинград, хотя у нас там не осталось ни стула и не стола, все наше имущество здесь с нами в Воронеже и состоит оно из двух старых кроватей и мал<енького> сундучка с рваным бельем.

Убедительно просим Вас не оставить нашу просьбу без ответа.

Вера и Анатолий Зост.

18/IV 1936 г<од>.

г<ород> Воронеж, ул<ица> Таранченко 40,

В<ере> А<ндреевне> Зост»¹.

¹ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1554. С. 100-101. Автограф.

На письме — две пометы: заведующего юридическим отделом Помполита и Е. П. Пешковой:

«Прос<ят> ходат<атайства> о разреш<ении> им выезда в Латвию. Ему 76 лет, а ей 63 года. Высл<аны> из Л<енингра>да».

«Пусть обращ<аются> в ИН<остранный> О<тдел> г<орода> Воронежа. В случае отказа просить ЦИК, Калинина. ЕП»